

УДК 94(470+571)»17/1917

Н.С. ЦЫБКО

(natusiaczibko@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ПРОБЛЕМЫ МОНАШЕСТВУЮЩЕГО ЕПИСКОПАТА И МОНАСТЫРСКОЙ
РЕФОРМЫ: ВЗГЛЯД ПРАВОГО ДУХОВЕНСТВА
(по материалам «Саратовского духовного вестника»)***

Рассматриваются проблемы монастырской реформы начала XX в. на примере Саратовской епархии.

Отражен взгляд правого духовенства в их церковной периодической печати на эти проблемы.

*Приведены статистические данные о количестве монастырей и монашествующих
Саратовской губернии в начале XX в.*

*Ключевые слова: монастырская реформа, монашествующий епископат,
правое духовенство, Саратовская епархия, женские монастыри.*

Монастыри издавна на Руси играли роль религиозных и культурных центров. Они являлись центрами распространения грамотности, изготовления высокохудожественных предметов церковной утвари, в них хранились богатые библиотеки, сосредотачивалось летописание и иконописание. Историки отводят большую роль монастырям в деле колонизации окраин и стратегической функции монастырей. Кроме этого, монастыри выполняли функции миссионерства и христианизации, а также выступали местом отбывания наказания за преступления против веры [16].

В своей статье иеромонах Вениамин особо подчеркивали все те функции, которые выполнял монастырь и монахи с первых веков принятия Русью христианства. Во-первых, миссионерская функция, благодаря которой христианство распространилось по всей территории государства, даже в самых отдаленных ее уголках, что было обусловлено основанием монастырей. Во-вторых, монастыри являлись просветительскими центрами, при которых создавались первые библиотеки и школы. В-третьих, монахи были «руководителями, вождями» русского народа, помогая ему в тяжелые и смутные времена вновь обрести себя и не потерять веру. На страницах журнала так же подчеркивалась роль иноков в становлении российского государства как великой державы: «... кому мы во многом обязаны своим возвеличенным, могущественным первоклассным государством, как не мудрым педагогам и религиозным вождям народа – монахам?!» [4, с. 2–3]. Священники были убеждены, что и в начале XX в. монастыри продолжали играть важную роль в жизни общества и что именно они оставались «главным учителем и охранителем православного русского благочестия» [1, с. 4].

По мнению служителей церкви, именно монашество являлось твердым оплотом православия в борьбе с ересями. Служители церкви считали, что именно благодаря монахам наше государство на протяжении многих веков сохранялось как православное. Проведение бесед с простыми, порой безграмотными людьми, разъяснение им основ жизни, утверждение в их глазах гегемонии православия, как истинной веры, способствовали тому, что к монахам относились почтительно, их считали учителями истинной евангельской веры. Сами священнослужители называли монашество тем церковным институтом, который «доставлял самых могучих борцов за идеалы православия» [6, с. 2]. Назначение монашества виделось священнослужителям в напоминании о боге, жизни по богу и духовном родстве с ним [2].

В начале XX в. наметился конфликт монашествующим епископатом и белым духовенством. Серьезной проблемой на тот момент было уничтожение прерогатив епископской власти для монахов и возведение в этот сан белого духовенства или мирян. Как отмечают историки церкви, «ученое монашество», или по-другому «академическое монашество» не имело ничего общего с монашеством мона-

* Работа выполнена под руководством Савицкой О.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

тырским. Речь идет о «монахах» – выпускниках духовных академий, принимавших постриг с целью получить епископскую кафедру. Это были люди, руководствовавшиеся скорее личным честолюбием, жаждой власти и богатств, а не желанием совершить монашеский подвиг [5, с. 50]. При этом отмечалось, что ни один из церковных канонов не предписывал пострига как обязательного для поставления в епископы, а некоторые каноны, напротив, указывали даже на несовместимость епископского и монашеского служения. В епископы могли быть поставлены только монашествующие священнослужители, вдовы или давшие обет безбрачия. Как отмечает историк церкви Д.В. Пospelовский: «Традиция эта обрекала белое духовенство на то, чтобы всю жизнь оставаться в тени и подчинении у епископата, – у епископата, известная часть которого вызывала весьма серьезные сомнения, если говорить о нравственных качествах и подлинном благочестии» [10, с. 63]. Отмечалось, что уже в 1905 г. ряд богословов и священников выступили с более чем резкой по тем временам критикой монашества вообще и монашеского епископата в особенности, предвосхищая будущую антимонашескую позицию «Группы 32-х священников», образовавшуюся в том же году, когда впервые прозвучала программа этого радикально-реформаторского направления в церкви. Помимо всего прочего, их обращение содержало требование введения принципа брачности епископата. Монашеский епископат, по убеждению авторов обращения, противоречит не только церковным канонам, но и самому характеру монашеского служения – созерцанию, молчанию, послушанию, ибо епископ должен начальствовать, проповедовать и наставлять [Там же, с. 64].

Священниками-корреспондентами приводились аргументы в защиту прав монахов на занятие этой «должности». Они выражали свое неудовольствие во мнении о необходимости уничтожения прерогатив епископской власти и избрания епископа из среды белого духовенства или мирян. Хотя сами священники и признавали, что изначально нигде не было прописано о необходимости безбрачия епископа, они были убеждены, что церковь на протяжении многих веков «составила для себя идеал епископа с присущей ему чистотой – целомудрием» [6, с. 4], поэтому при выборе на должность епископа всегда отдавала свое предпочтение монашеству. По своей сущности монастырская жизнь предполагала уединенный образ жизни, отказ от земных удовольствий, наслаждений и соблазнов. Находясь вдали от цивилизации, монахи имели все условия для полного единения с богом, тщательного изучения Священного писания. Священник Добросердов Алексей в одной из своих статей отмечал, что, занимая столь высокий сан епископа, монахи были готовы к несению этого непростого бремени быть опорой всех и каждого, в мирное время наставлять людей на путь истинный, в периоды смуты и сомнений способствовать объединению народа под эгидой христианской веры. Для того, чтобы бороться за истинную веру, против страстей и похоти, необходимо быть выше земного мира. Монахи-епископы как раз таки и относились к таким людям. Стремясь к царствию небесному, они и не забывали об устройстве царства земного. Епископы пользовались уважением и среди простого народа, чьи проблемы решались именно посредством служителей культа, и среди князей и царей, считавших епископа своим приближенным и одним из главных советников во всех мирских, а порой и государственных делах.

«Острый системный кризис охватил в начале XX в. всех трех участников симфонического союза – государство, общество и Православную церковь» [13, с. 277]. Этот кризис не обошел стороной и монастыри. События начала XX в., освободительные движения, прогрессивные идеи и лозунги против самодержавия и многое другое не могли не отразиться на жизни Русской Православной церкви и монастырей, в частности. Монастырь, как обитель, издавна игравшая важнейшую роль в жизни русского общества, стал терять свое превосходство в глазах верующих. Современные, прогрессивно настроенные умы заявляли, что монашество отживает свое время, превращаясь в невежественных обывателей, неся в мир идеи мракобесия. Мирское общество требовало «низведения монашества на степень обычных, земных филантропических обществ» [6, с. 2]. Взаимоотношения интеллигенции и монахов показывали, сколь трудные времена переживало православие. Люди образованные в начале XX в. ста-

ли все чаще отмежевываться от церкви, объясняя это непринятием того, что монахи, с их узкой и мрачной моральностью и излишней ритуальностью, не соответствовавшей современному течению жизни и прогрессу в обществе, занимали главенствующие позиции в церкви. Отмечали священники и постоянные словесные нападки на монашествующих. Они ярко оспаривали на страницах журнала мнения о том, что монахи – ленивые эгоисты, жившие в монастырях и тратящих его несметные богатства [3].

Отдельного внимания заслуживают женские монастыри, которые появились одновременно с мужскими, но их количество вплоть до начала XIX в. было невелико. Начиная с XIX в., особенно во второй его половине, происходит рост численности женских монастырей, а главное, численность монашествующих женщин и особенно послушниц. Причинами стремительного роста числа монашествующих женщин можно назвать следующие: экономические и социально-политические условия в стране, политика правительства в отношении монастырей, аскетические настроения, стремление женщин к образованию и самостоятельности. По сравнению с мужскими монастырями, женские имели свои особенности. Так, в первые века своего существования они не стали центрами образования и книжности в той степени, в какой были мужские монастыри. Однако с середины XIX в. в женских монастырях появились первые школы, а к началу XX в. практически каждый монастырь имел школу или училище, широко развивалась благотворительная деятельность, организовывались больницы, медицинские курсы [8, с. 245–278]. Историки церкви отмечают, что поступление в монастырь давало женщине удовлетворение ее духовным исканиям, при этом не требовалась кардинальная перемена в ее образе жизни.

К 1914 г. в Российской империи насчитывалось 1025 монастырей и общин (550 мужских и 475 женских), а феминизация монашества зашла так далеко, что обитательниц женских монастырей и общин стало втрое больше, чем насельников мужских монастырей и пустынь [7, с. 161]. Этот факт подтверждают данные И.К. Смолича, который приводит следующие цифры на 1907 г. – в мужских монастырях насчитывалось 24144 насельника (включая послушников), а в женских – 65989 насельниц (включая послушниц) [14].

Необходимо отметить, что начало XX в. в Российской империи было временем бурного строительства монастырей, связанное с ростом населения страны, а также потребностями епархии и пониманием важности их назначения. «Отличительной чертой Саратовской епархии, существенно выделившей ее в 1905–1914 гг. из десятков ей подобных, стала программа широкого монастырского строительства, разработанная Саратовским епископом Гермогеном. Многочисленные обители были предназначены стать центрами возрождения религиозной жизни и миссионерской деятельности в округе, поэтому епископ Гермоген стремился к тому, чтобы каждый уездный город на территории епархии имел свой монастырь или подворье с архиерейскими покоями» [12, с. 38]. При нем было «основано или восстановлено 8 монастырей и подворий» [9, с. 134]. Он был противником уклонения монастырей от благотворительной деятельности и указывал на то, что они должны служить народу.

По данным Л.И. Денисова на 1908 г. в Саратовской епархии действовало 14 монастырей, из которых 3 – мужские, 11 – женские. Всего монашествующих насчитывалось 2327, из которых 65 были мужчинами и 2262 – женщинами [11]. Общее число уже открытых монастырей в Саратовской епархии с 1904 по 1909 гг. возросло с 12 до 15, из них женских было 11, мужских – 4 [12, с. 39]. Приведенные выше сведения подтверждают факт о феминизации монастырей к началу XX в. Рассмотрим более подробно монастыри саратовской епархии, имевшиеся на начало XX в.

Среди мужских выделялись: архиерейский дом в Саратове, Саратовский Спасо-Преображенский второклассный общежительный монастырь, Петровский Николаевский общежительный.

Среди женских выделяли: Саратовский Крестовоздвиженский второклассный общежительный, Краишевский Тихвинский нештатный общежительный, Таловский Благовещенский общежительный, Балашовский Покровский общежительный, Вольский Владимирский нештатный общежительный, Грязнухинский Свято-Троицкий нештатный общежительный, Гусевский Ахтырский нештатный общежительный, Свято-Троицкий нештатный общежительный, Вознесенский нештатный общежительный,

Белогорский Троицкий общежительный, Дубовский Вознесенский нештатный общежительный. Помимо названных монастырей, при Гермогене было открыто еще 2 мужских монастыря, о которых упоминалось в справочной книге Саратовской епархии [15, с. 754–760]. Это – Свято-Троицкий Хвалынский, учрежденный в 1908 г., и Царицынский Свято-Духовский, устроенный в 1910 г.

Однако «в обстановке нараставшего кризиса монархического государства и самой Православной Церкви монастыри Саратовской епархии, в противоположность возложенным на них высоким задачам, не смогли оказать заметного влияния на общественно-политическую и религиозную жизнь губернии» [12, с. 39].

Литература

1. Антоний, архиепископ. Нравственность черного и белого духовенства // Саратовский духовный вестник. 1908. № 33. С. 4–5.
2. Благовидов А., священник. Церковь и интеллигенция // Саратовский духовный вестник. 1910. № 24–25. С. 6–8.
3. В.М., священник. В защиту православного иночества // Саратовский духовный вестник. 1907. № 14–15. С. 4–5; № 16. С. 4–6; № 17–18. С. 6–8; № 19. С. 7–8.
4. Вениамин, иеродьякон. В защиту русского иночества // Саратовский духовный вестник. 1906. № 5. С. 2–3.
5. Головушкин Д.А. Обновленческое движение в Русской православной церкви в 1905–1925 гг.: дис. ... канд. истор. наук. Ярославль, 2002.
6. Добросердов Алексей, священник. Брак, безбрачие и монашество епископов // Саратовский духовный вестник. 1908. № 22. С. 2–4; № 23. С. 2–6; № 24. С. 2–5; № 25. С. 3–4; № 26. С. 2–4; № 27. С. 2–4; № 28. С. 2–4; № 29. С. 5–8.
7. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Вербум-М, 2002.
8. Монашество и монастыри в России. XI–XX века: исторические очерки / отв. ред. Н.В. Синецкая. М.: Наука, 2005.
9. Мраморнов А.И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов: Науч. кн., 2006.
10. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.
11. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государств) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин / сост. Л.И. Денисов. М.: издание А.Д. Ступина, 1908.
12. Савицкая О.Н. Православное духовенство в правомонархическом движении 1905–1914 гг. По материалам Саратовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001.
13. Савицкая О.Н. Учащиеся духовных учебных заведений Саратовской губернии в революционном движении // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2015. № 5(100). С. 277–279.
14. Смолич И.К. Русское монашество. 988–1917. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1999.
15. Справочная книга Саратовской епархии. Составлена по распоряжению Преосвященного Алексея, епископа Саратовского и Царицынского. Саратов: Типография Союза Печатного Дела, 1912.
16. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М.: Рус. панорама, 2003.

NATALIA TSYBKO

Volgograd State Socio-Pedagogical University

ISSUES OF MONASTIC EPISCOPATE AND MONASTIC REFORMS: THE VIEW OF THE RIGHT CLERGY (on the basis of “Saratov religious reporter”)

The article deals with the issues of the monastic reform at the beginning of the XXth century at the example of the Saratov episcopacy. There is reflected the view of the right clergy in their church periodical press towards these issues. There is given the statistics about the quantity of monasteries and monastics in the Saratov province at the beginning of the XXth century.

Key words: *monastic reform, monastic episcopate, right clergy, Saratov episcopacy, convents.*